

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. Г. РЕДКИНА

У статті вперше здійснено аналіз проблеми становлення особистості у творчій спадщині видатного вітчизняного вченого П. Г. Редкіна, який заклав теоретико-методологічні основи вітчизняної педагогічної та вікової психології. Його аналіз становлення особистісного світу дитини вражає своєю глибиною, багатомірністю бачення, психологічною елегантністю і точністю викладу, його праці безсумнівно актуальні для нашого ХХІ століття.

Ключові слова: особистість, самосвідомість, становлення, юність.

В статье впервые сделан анализ проблемы становления личности в творческом наследии выдающегося отечественного учёного П.Г. Редкина, который заложил теоретико-методологические основы отечественной педагогической и возрастной психологии. Его анализ становления личностного мира ребёнка поражает своей глубиной, многомерностью видения, психологической элегантностью и точностью изложения, его труды несомненно актуальны для нашего ХХІ века.

Ключевые слова: личность, самосознание, становление, юность, творческое наследие П.Г. Редкина.

Анализ исторической ретроспективы свидетельствует о том, что фундаментальные отечественные разработки возрастной психологии и донныне остаются вне контекста современного поля психологического знания. Это в первую очередь относится к выдающемуся отечественному ученому XIX века Петру Григорьевичу Редкину, который в начале 60-х годов XIX столетия создал первый в отечественной возрастной психологии концептуальный подход к проблеме становления личности. Между тем ни его имя, ни творческое наследие не упоминаются в современных книгах, посвященных “истории возникновения и развития одной из основных отраслей психологической науки – возрастной психологии”, рассматривающей “развитие возрастной психологии как самостоятельной области психологической науки” [1, с. 2-3]. А ведь именно П. Г. Редкин заложил теоретико-методологические основы отечественной педагогической и возрастной психологии. Его анализ становления личностного мира ребенка поражает своей глубиной, многомерностью видения, психологической элегантностью и точностью изложения. Несмотря на дистанцию в полтора столетия, в нем нет ни малейшего признака архаичности – изумительный по

своему проникновению в глубинный личностный слой ребенка в видении психологических закономерностей его становления, он несомненно актуален для нашего XXI века.

Анализ становления личности П. Г. Редкин разворачивает на противопоставлении линий развития на двух этапах онтогенеза – детстве и юношестве. При этом содержательный момент развития он рассматривает в контексте чувства “личности в дитяти”. Примечательно, что ученый акцентирует на том, что это чувство развивается медленно и постепенно. В связи с этим он пишет, обращая внимание как учителей, так и родителей: “Надо сознаться, что учителя, и еще более родители, мало обращают внимания на тот неоспоримый факт, что чувство личности в дитяти развивается не вдруг, а весьма медленно и вообще постепенно, и что с этою постепенностью неразрывно связаны многие явления в их внешней жизни, которые, для своего правильного объяснения и обсуждения, требуют внимательного изучения...” [2, с. 275].

Давая характеристику психического развития ребенка первых лет жизни, Редкин выделяет одну из его сторон, которая интересна своей проекцией и для современной возрастной психологии – через призму восприятия родителями своего ребенка. “Первые годы, – пишет он, – живет дитя жизнью родителей. Это так верно, что родители, со своей стороны, не видят и не ищут в своем дитяти ничего, кроме самих же себя. Высшая для них радость признавать в чертах лица и вообще в выступающих мало-помалу особенностях дитяти свои собственные черты и особенности: родители наслаждаются созерцанием своего единства с детьми своими. Дитя является в это время только живым осуществлением этого единства, – творением, в котором телесная и духовная природа его родителей повторяется и продолжает свое существование” [2, с. 275].

С приходом ребенка в школу эта линия развития в проекции “Я – другие” находит свое продолжение в системе “ученик – учитель”. При этом ученый дает интересную характеристику этому ракурсу проекции внутреннего мира ребенка: “И так в обоих случаях дитя еще, так сказать, заключается в других лицах, а не в себе самом: оно еще вне себя” [2, с. 276].

Это взаимодействие с другими, по мнению П. Г. Редкина, является главной детерминантой развития дитяти. Он объясняет, почему дитя “заключается в других лицах, а не в самом себе”: “А почему? – ставит вопрос ученый. – Потому что еще не развилось ни телесно, ни духовно: оно еще, можно сказать, не совсем готово, закончено. Мера и отношения членов его телесного организма еще не определились окончательно; силы и стремления его духа развились еще не все и не вполне. Все в нем еще растет, нуждается в

чужой помощи, уходе, надзоре, наставлении, учении. Чем более ему недостает чего-либо, тем более для него необходимо пополнять этот недостаток с помощью других” [2, с. 276].

Переход развития ребенка из системы “Я – другие” в систему “Я – Я” – так он очерчивает магистральную тенденцию в становлении его личности. “Но вот наступает время, когда существо дитяти начинает само в себе слагаться” [2, с. 276].

Ученый очень тонко описывает процесс физического и психического, “внутреннего” развития, единство физического и духовного развития. При этом он четко указывает главный результат этого развития – способность ребенка к деятельности, образующей “из него отдельное целое”. Психологическими маркерами личностного становления он называет “чувство самостоятельности, чувство своей личности”. Эта самость, “когда существо дитяти начинает само в себе слагаться”, проявляется, по мнению Редкина, следующим во временной и психологической сущности образом: “В телесном отношении – это время созревающей возмужалости. Тело оканчивает процесс своего ращения вместе с тем внутренним развитием, которое делает его способным к более своеобразной деятельности, и делает из него отдельное целое. Этой физической отдельности соответствует, с духовной стороны, чувство своей самостоятельности, чувство своей личности” [2, с. 276].

Редкин обращает внимание на конфигурацию линии развития – не скачкообразную, а плавную, постепенную, обогащающуюся в ходе этого развития “приращением” психологических, сущностных сил. “Впрочем, – указывает он, – все это не совершается внезапно, разом; вообще начинается довольно поздно, лет с 14-ти, да и впоследствии требует еще многих дополнений для своего осуществления” [2, с. 276].

Несмотря на “накопительную” тенденцию развития, сущностная характеристика этого развития – это переломный, критический период в становлении личности, считает П. Г. Редкин. Он акцентирует: “Это время перехода, перелома, время критическое. Оно требует совокупного действия всех наличных сил, напряжения их в такой высокой степени, что не всегда проходит без вредных последствий” [2, с. 276].

Как видим, ученый выделяет такие две составляющие конструктивной динамики личностного становления: интегративный характер психологических интенций, с одной стороны, и с другой, – их интенсивность развития в органическом единстве.

П. Г. Редкин уделяет большое внимание “неправильному развитию”, деструктивным линиям становления личности в юношеском возрасте, когда физическое и личностное развитие находятся не в гармонии, а в дисгармоничном статусе.

Ученый выделяет три таких значимых аспекта в личностном развитии юноши, как саморегуляция (“овладение собою”), “определение своих отношений к окружающему миру” и субъектная активность. “Особенно достойны сожаления те заблуждения, в которые часто впадает юноша, когда он, при первых попытках овладеть собою и определить свои отношения к окружающему миру, или не будет действовать надлежащим образом, или же примет не надлежащее направление” [2, с. 276].

Интересен сам анализ ученым кризисного периода в юношеском возрасте: он не только называет личностные “маркеры”, сопровождающие кризис, но включает их в причинно-следственную цепочку: показывает их действие либо в контексте данного этапа онтогенеза, либо экстраполяцию их действия на последующие периоды онтогенетического развития. Например: “Вспомним только об искажении воображения фантазии, вследствие которого юноши ставят себя к жизни или в неприязненное положение, или же в легкомысленное; далее, вспомним о туманной мечтательности, которая часто продолжается до гробовой доски; о влюбчивости, иногда слишком рано проявляющейся, и т.п.” [2, с. 276].

Для стиля рассмотрения Редкиным той или иной проблемы характерным есть ее видение во всей объемности и многогранности. Поэтому он не ограничивается лишь анализом личностных особенностей “критического периода” в юношеском возрасте при “неправильном развитии”, но и дает анализ этого периода в бимодальной проекции: “Если этот критический период и идет правильным ходом, то все-таки сопровождается необыкновенными, можно сказать, болезненными симптомами” [2, с. 276].

Интересен анализ ученым особенностей физического развития в юношеском возрасте и сопровождающих этот этап онтогенеза проявлений личностных особенностей. “Можно также, – пишет ученый, – заметить, что и духовная жизнь погружается в какую-то лень, бездействие. Тихая мечтательность заступает место прежней живости и подвижности. Учителям часто приходится жаловаться на бессмысленную рассеянность, на недостаток внимания и на медленные успехи своего ученика. Работы его далеко не соответствуют ожиданиям; прилежание или совершенно пропадает, или же поддерживается только усиленную настойчивостью со стороны учителя” [2, с. 276-277]. Активацией возбуждения нервной системы “объясняются вызываемые часто самым ничтожным поводом порывы вспыльчивости, запальчивости, страстной горячности, словом, все неправильности, уклонения, странности в поведении юноши...” [2, с. 277].

Высочайший психологический профессионализм ученого проявляется в его умении увидеть за внешними проявлениями юношеского “критического периода” внутреннюю, глубинную сущность личностного становления в этом ее кризисном периоде. Мы увидим здесь антиципацию ученым проблемы самоотношения, образа Я, Я-концепции, которым удалось дожидаться своего внимания исследователей лишь во второй половине XX века. “И между тем все это только видимая, внешняя сторона того в тайне совершающегося живого внутреннего процесса, посредством которого индивидуальность, личность, самостоятельность дитяти старается сосредоточиться в себе и принять свой особый образ” [2, с. 277].

Редкин обращает внимание на стержневые, кризисные, по его мнению, проявления становления личности в юношеском возрасте – противоположение себя в системах “Я – мир” и “Я – другие”. “Главное, существенное в этом периоде, – подчеркивает ученый, – состоит в том, что развитие самочувствия необходимо ведет к противоположению себя всему остальному миру, к отделению себя от всего окружающего, к разъединению и проявлению вмещающихся в себе противоположностей, которые были до того в непосредственном тождестве” [2, с. 277].

Противоположение себя в системе “Я – другие” в юношеском возрасте происходит, указывает ученый, в разных онтогенетических плоскостях: и по горизонтали “Я – другие, ровесники”, в зависимости от гендерных особенностей, и по вертикали онтогенеза “Я – другие, родители, взрослые”. “Мальчики и девочки, жившие и игравшие прежде вместе, согласно, дружно, теперь расходятся; юноши и девушки идут своей особой дорогой, пока наконец не придет время, когда они опять ищут один другого, но уже другим образом и при других обстоятельствах. Даже между братьями и сестрами уничтожается в заметной степени прежняя общность. Выросшие сыновья и дочери уже не нуждаются в родительском уходе, надзоре, защите и покровительстве в том объеме и в той степени, как прежде: они становятся на свои ноги, начинают быть самостоятельными, и чем сильнее проявляется в них самостоятельность, самочувствие, тем более сilyтятся вырваться из посторонней власти, освободится от чужого влияния. ... Далее, не только к родителям, но и ко взрослым вообще становятся молодые люди в некоторую противоположность” [2, с. 277].

Редкин останавливает особое внимание на раскрытие взаимозависимых связей в отдельных стратах системы “Я – другие”: “Я – другие, ровесники” и “Я – другие, взрослые”, а также сложных эмоциональных состояний, сопровождающих включение юноши в эти подсистемы и переживание его статуса в них. “Сколько им самим

не хочется уже возвращаться в детском обществе, заниматься детскими играми, столько же не хочется взрослым допускать к принятию участия в своих беседах и занятиях незрелых и несовершеннотелных. Впрочем, из этого сообщества со взрослыми исключают их, сами собою, недостаток в них опытности и совершенное отсутствие самостоятельных интересов. Все это принуждает их заключиться, сосредоточиться в себе самих, в своей личности, которая еще не получила полной самостоятельности. Вообще они играют теперь весьма жалкую роль в обществе людей совершеннолетних” [2, с. 277].

П. Г. Редкин первым (подчеркиваем – первым!) в отечественной возрастной психологии дает психологический портрет юношеского возраста, который не имеет налета архаичности и с которым созвучны его описания в современной психологической литературе. Это говорит о высокой научной антиципирующей способности ученого, о его умении проникнуть глубоко в сущностные характеристики изучаемой проблемы и раскрыть такие психологические закономерности, над которыми неподвластно время.

По-современному в этом психологическом портрете юношеского возраста, очерченном ученым почти полтора века тому назад, выглядят магистральные линии личностного становления на данном этапе онтогенеза. Это – выбор жизненного пути, профессиональное самоопределение, жизненные планы, целеполагание, саморегуляция, включенные в ткань сложноразвитых эмоциональных состояний (когда душа “уже не только раздваивается, но, можно сказать, раздробляется тысячько противоположных впечатлений”), сопровождающих решение жизненно и лично значимых задач в юношеском возрасте.

Учитывая, что это первое воспроизведение после публикации П. Г. Редкиным в 1863 году, мы приведем описание этого этапа онтогенеза, данное ученым, в контекстуально точном изложении. “Наконец, жизнь серьезная все ближе и ближе подступает к юноше со своими вопросами и требованиями. Ему уже необходимо подумать о своей будущности, решить свое призвание, и на основании этого решения расположить свои дальнейшие занятия, распорядиться всею своею жизнью. Беспокойно смотрит он вдаль; тревожно ищет в море житейском твердой точки, на которой мог бы остановиться; смутно видит пред собою множество целей в жизни и не знает еще, к которой из них направить путь свой. Он понимает уже, что надобно же ему решиться на какой-нибудь выбор, подчиниться навсегда условиям и последствиям этого решения, выйти из настоящего беззаботного положения, ринуться из верного крова дома родительского, из тихого пристанища в училище, в неверную, тревожную жизнь, вступить в служение неизвестной

будущности. Взоры его блуждают, перелетая с одного предмета на другой; чувства, мысли и желания его мечутся во все стороны; впереди все ему улыбается, все прельщает его, и в то же время все представляет множество отталкивающих сторон, множество трудностей, препятствий. Душа его уже не только раздвояется, но, можно сказать, раздробляется тысячью противоположных впечатлений. В самую грудь его вносится то противоречие, та противоположность, разрешения которой он обойти не может; да к тому же весьма часто это разрешение встречает себе и внешние помехи” [2, с. 277-278].

Примечательно, что Редкин анализирует ход кризисного периода не только в проекции личностной детерминации, но и в проекции интерсубъектного взаимодействия в школьном социуме. Именно его ученый относит к тем “внешним помехам”, которые могут усугублять становление личности в юности. Поэтому Редкин дает обстоятельную характеристику кризисного периода становления личности в юношеском возрасте в процессе учебной деятельности. Он обращает внимание на те подводные рифы, которые таит в себе включенность юноши в процесс учения. Причем объективность и честность Редкина как ученого дают возможность проникновения в глубинные пласты социального и учебного взаимодействия юноши, “раздробляемого тысячью противоположных впечатлений”.

Несомненна заслуга ученого в создании истинной и правдивой картины школьного социума, который усиливает деструкцию личностного становления юноши в кризисном периоде. Он акцентирует внимание на том, что “само училище ставит себя в такое отношение к буруеваемому со всех сторон противоположностями юноше, которое не только не разрешает этих противоположностей, а напротив еще усиливает их до крайней степени. Учителя требуют, и требуют по-видимому справедливо, чтобы теперь юноша работал, трудился, чувствовал, мыслил и действовал с большею самостоятельностью, свободно. А между тем, чем самостоятельнее, свободнее становится он, тем резче выступают в нем противоречия, противоположности, как внутренние – с самим собою, так и внешние – со своими учителями и со всеми вообще окружающими его.

Нельзя не согласиться, что все это вместе составляет учащегося в такое положение, которое уже само по себе довольно трудно” [2, с. 278].

Ученый обращает внимание на то, что, с одной стороны, объективный ход кризисной ситуации развития детерминирует поступательный ход онтогенеза и имманентно несет “прогресс своего естественного развития”, а с другой, он не подвластен самосознанию юноши. “А если еще мы вспомним, что в это положение ввергается он без всякого со стороны своей содействия и желания, единственно

вследствие поступательного движения, прогресса своего естественного развития, то для нас будет очевидно, почему он вовсе не может иметь ясного сознания о своем положении” [2, с. 278]. Гуманизм Редкина проявляется в том, как он чутко и деликатно относится к тому положению, в котором оказывается юноша в кризисном периоде. “Можно ли после этого обвинять его, если он иногда теряется, не умеет, не может держать, вести себя, как следовало бы?” [2, с. 278].

Симптоматичним для концептуального изложения проблемы переходного возраста и связанного с ним кризисного периода является умение ученого психологически точно, лаконично выразить квинтэссенцию рассматриваемого вопроса. Это является выразительной стилевой характеристикой анализа той или иной проблемы П. Г. Редкина как ученого. Вот как он емко и безупречно дает характеристику психологического содержания переходного периода: это дисбаланс в системе “Я – Я” и “Я – мир”. И в то же время ученый очерчивает магистральную тенденцию личностного новообразования, которое является содержательной результирующей переходного периода. “Ведь беспрестанное колебание, противоречие с самим собою и с окружающим миром для него так же неизбежно, как неизбежно критическое, переходное положение, как неизбежен переход его от страдательного состояния к деятельному, от внешней зависимости к внутренней самостоятельности” [2, с. 278].

В статье были рассмотрены только некоторые аспекты становления личности, осуществленного впервые в отечественной педагогической и возрастной психологии выдающимся ученым Петром Григорьевичем Редкиным. Анализ его концептуального подхода к становлению и развитию личности – задача нашего дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. Марцинковская Т. Д. История возрастной психологии : учебное пособие для вузов / Т. Д. Марцинковская. – М. : Академический проект ; Трикста, 2010. – 312 с.
2. Редкин П. Г. Переходное состояние. Современные педагогические заметки / П. Г. Редкин // Учитель. – 1863. – №6. – С. 275-280.

The paper analyzed the problem of personality in the creative heritage of outstanding domestic scientist PG Redkina, which laid the theoretical and methodological foundations of national educational and developmental psychology. His analysis of the formation of personal world of the child impresses with its depth, bahatomirnistyuu vision, psychological elegance and precision of presentation, his work certainly relevant to our XXI century.

Keywords: personality, identity, formation, youth.

Отримано: 27.08.2011